

Условные обозначения

DATLOC датив-локатив, DUR дуратив, FUT будущее, EXCL эксклюзив, FOC фокализационный аффикс / частица, HAB хабитуалис, HES хезитация, INCEP инцептив, INCH инхоатив, INCL инклюзив, INDEF неопределенность, INSTR инструментальный, INTENS интенсификатор, IPFV имперфектив, INDPS косвенная принадлежность, LOCALL локатив-аллатив, NEG отрицание, NFUT не будущее, PANT причастие предшествования, PHAB хабитуальное причастие, PL множественное число, PNEG причастие при отрицании, PRGRN перегринатив, PS принадлежность, RFL рефлексив, SG единственное число, SLIP оговорка, VBLZ вербализатор

Литература

- Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков. Москва-Ленинград, «Наука», 1966.
- Клячко Е. Л.* Способы выражения прошедшего времени в говорах западных эвенков // Полевые исследования студентов РГГУ (выпуск IV). 2009.
- Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Москва-Ленинград, «Наука», 1964.
- Bulatova N., Grenoble L.* Evenki. München: Lincom Europa, 1999.
- Nedjalkov I.* Evenki. London: Routledge, 1997.

П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер (ИЛ)

Адыгейская лингвистическая экспедиция 2010 года:

Итоги и выводы

В этой статье мы преследуем несколько целей. Во-первых, мы даем минимальную информацию об адыгейском языке (§ 1) и адыгейских лингвистических экспедициях (§§ 2–3), которая может быть полезна при чтении публикуемых в этом издании статей участников экспедиции 2010 года. Во-вторых, мы касаемся некоторых методологических и теоретических вопросов, возникших в ходе этой экспедиции и при обработке ее результатов (§§ 4–7). В-третьих, в § 8 дается краткий обзор статей по адыгейскому языку, включенных в настоящее издание.

1. Адыгейский язык: общие сведения

Адыгейский язык относится к западнокавказской, или абхазо-адыгской, семье, образуя в ней вместе с близкородственным кабардино-черкесским языком адыгскую (черкесскую) ветвь. В западнокавказскую семью, кроме адыгских, входят также абхазский, абазинский и вымерший убыхский языки.

На территории России адыгейский язык распространен в Республике Адыгея и в некоторых районах Краснодарского края. Кроме того, многие носители адыгейского языка проживают за рубежом — в Турции, Иордании, Сирии, Израиле, Македонии и некоторых других странах. Число говорящих на адыгейском языке составляет около 425 тысяч человек, из которых на территории Российской Федерации проживает около 130 тысяч [Коряков 2006: 22]. Существует четыре диалекта адыгейского языка: бжедугский, шапсугский, абадзехский и темиргоевский (чемгуйский), на базе которого в XX в. сложился литературный адыгейский язык. Современная адыгейская графика на кириллической основе, разработанная советским кавказоведом Н. Ф. Яковлевым и адыгейским лингвистом Д. А. Ашхамафом, используется с 1938 г. В Адыгее адыгейский язык наряду с русским является официальным языком, преподается в школе и представлен в средствах массовой информации и в интернете. На нем существует оригинальная и переводная художественная, политическая, религиозная, научная и другая литература.

В XX в. и начале этого века грамматический строй адыгейского языка был подробно описан в двух фундаментальных грамматиках [Яковлев, Ашхамаф 1941] и [Рогава, Керашева 1966], а также в ряде других монографий и работ. Имеется также несколько словарей адыгейского языка.

Среди наиболее заметных типологических характеристик адыгейского языка, которые он частично разделяет с другими западнокавказскими языками, можно отметить впечатляющий контраст между минимальной системой гласных (всего три фонемы) и богатейшим инвентарем согласных (более пятидесяти фонем), эргативную конструкцию предложения, систему двух ядерных падежей — абсолютного («именительного») и косвенного («эргативного»), левоветвящийся порядок слов. Но наиболее существенной грамматической характеристикой адыгейского языка, оказывающей влияние на самые разные уровни языковой структуры, оказывается последовательный полисинтетизм — сосредоточение многих основных морфосинтаксических механизмов грамматики внутри словоформы, крайне редкое явление в центральной части Евразии. Благодаря полисинтетизму одна адыгейская словоформа может нести информацию, которая в языках вроде русского или английского передается целым предложением; ср.:

(1) r-a-r-jə-ve-ve-wəc^w-a-ʋ

LOC-3PL.IO-DAT-3SG.A-CAUS-CAUS-встать-LAT-PST

‘Он заставил его положить это туда’.

(Букв.: ‘Он сделал так, чтобы тот сделал так, чтобы это встало туда’.)

Вопрос о механизмах функционирования полисинтетических языков активно обсуждается в лингвистической литературе последних десятилетий (см., например, [Baker 1996; Evans, Sasse (eds) 2002]). В этой связи не случайно, что в последние годы описание адыгейского языка заняло значительное место в исследованиях, ведущихся в Институте лингвистики РГГУ.

2. Адыгейские экспедиции РГГУ

Изучение адыгейского языка в полевых условиях, осуществляемое Институтом лингвистики РГГУ, продолжает многолетние традиции типологически ориентированного полевого исследования кавказских языков, заложенные в 60-х гг. XX в. А. Е. Кибриком и С. В. Кодзасовым на отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ (об истории и методах экспедиций см., например, [Кибрик 1992: гл 5—6; Kibrik 2007]). Лингвистические экспедиции РГГУ работают с адыгейским языком в течение рекордно долгого времени — начиная с 2003 г. прошло уже шесть экспедиций. Инициаторами экспедиций явились Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец и С. Ю. Толдова; при этом с самого начала в поездках принимали участие как студенты и сотрудники РГГУ, так и сотрудники исследовательских институтов Москвы и Санкт-Петербурга. В 2003–2006 гг. работа проходила в центре Шовгеновского района Республики Адыгея ауле Хакуринохабль, в говоре которого наблюдается определенное смешение черт темиргоевского и абадзехского диалектов — см. [Тестелец 2007; Сумбатова 2008]. В 2007 г. экспедиция изучала диалект приморских шапсугов в ауле Агуй-Шапсуг Туапсинского района Краснодарского края [Сумбатова 2008].

В фокусе всех этих экспедиций находилась адыгейская грамматика. Участники поездок разрабатывали отдельные грамматические темы, одновременно взаимодействуя друг с другом, чему в немалой степени помогали проводившиеся ежедневно экспедиционные семинары. В меньшей степени обращалось внимание на сбор оригинальных устных текстов на адыгейском языке — тем не менее еще в 2003 г. по инициативе сотрудника Института языкознания РАН Ф. И. Рожанского было сделано значительное количество записей, в том числе от хакуринохабльцев старшего поколения, которые в большей степени сохранили черты абадзехского диалекта, долгое время сохранявшегося в Хакуринохабле [Кумахова 1972]. Результатами экспедиций стали многочисленные доклады на российских и международных научных конференциях и семинарах, несколько десятков статей в российских и зарубежных научных изданиях, а также сборник [Тестелец (ред.) 2009]. В весеннем семестре 2010 г. второй автор этой статьи вел в РГГУ совместно с Я. Г. Тестельцом спецкурс по грамматике адыгейского языка.

Фото 1. Консультанты Адыгейской лингвистической экспедиции 2010 г.

Первый ряд: Р. Д. Нефляшева, Д. Б. Даурова, И. Н. Даурова, М. Г. Едыгова. Второй ряд: Н. Н. Едыгова, Н. А. Даурова, С. К. Алишаева. Третий ряд: С. Ю. Бечмукова, А. К. Нефляшева, С. К. Кубашичева, Р. П. Шаова, З. Ю. Шаова, С. Н. Нефляшева. Автор – Г. Е. Ломизе.

3. Экспедиция 2010 г.

Еще во время экспедиции 2006 г. несколько ее участников совершили два выезда в аулы Кабехабль, Пшичо и Хатажукай, находящиеся неподалеку от Хакуринохабля и в настоящий момент образующие (вместе с аулом Пшизов) единое Хатажукайское сельское поселение. В 2010 г. на базе Хатажукаевской средней общеобразовательной школы № 6 им. Ахмеда Хаткова была организована новая экспедиция.

В экспедиции 2010 г. приняли участие студенты Института лингвистики РГГУ К.А. Ершова, Е. Д. Ильина, Е. Л. Кушнир, Г. Е. Ломизе, Г. А. Мороз, Д. С. Перевозчиков, М. А. Пономарева, А. А. Сомин, выпускники РГГУ и участники адыгейских экспедиций прошлых лет И. С. Капитонов, В. И. Киммельман, Н. А. Короткова, Л. Н. Николаева, студент Бохумского университета (Германия) Л. Пашен, сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) Д. В. Герасимов. Руководили экспедицией авторы этой статьи (также выпускники РГГУ).

В 2010 г. экспедиция ставила перед собой две задачи. Во-первых, было необходимо записать и обработать представительный корпус устных текстов

на темиргоевском диалекте адыгейского языка, а также обработать тексты, записанные в Кабехабле, Пшичо и Хатажукае в 2006 г. Во-вторых, планировалось собрать материал по ряду грамматических тем, которые уже исследовались ранее, но в изучении которых наблюдались лакуны. Эти темы в свою очередь группировались в более широкие блоки: структура именного комплекса (поведение заимствованных прилагательных; склонение собственных имен; ассоциативная множественность; позиция и порядок определений), структура глагольного комплекса (взаимодействие локативных превербов и директивных суффиксов; порядок и сфера действия аспектуальных и модальных суффиксов; поведение вспомогательных глаголов и их сочетаемость с разными типами основ смысловых предикатов), синтаксис (сочинение именных групп и предложений; нетривиальные свойства ряда сложноподчиненных конструкций). Также изучались структура числительных (тема ранее не исследовалась в экспедициях), ряд вопросов фонологии, аспекты квантификации.

Собранный корпус текстов составил около 140 минут аудиозаписи, которые были расшифрованы и снабжены переводом. Один из записанных текстов с грамматическим разбором и комментариями дается в Приложении. Сбор материалов по грамматическим темам в свою очередь выявил ряд примечательных явлений, часть из которых отражена в публикуемых в настоящем издании статьях. Вместе с тем, эта экспедиция позволила сформулировать несколько общих вопросов, касающихся как адыгейской грамматики, так и методологии исследования и оценки собранных данных. Этим вопросам посвящены следующие разделы статьи.

4. Вариативность

Еще в экспедициях 2003–2006 гг. в Хакуринохабле было обнаружено, что среди носителей адыгейского языка наблюдается значительная вариативность в употреблении и восприятии множества морфологических форм и синтаксических конструкций. В принципе, вариативность представляет собой естественное явление и наблюдается в любом языке, но ее масштабы при изучении некоторых грамматических тем в адыгейском языке поражают воображение. Нередко одни и те же словоформы переводятся совершенно по-разному и даже иногда получают полярно разные оценки с точки зрения их приемлемости. В работе [Герасимов, Ландер 2006] была выдвинута гипотеза, согласно которой эта вариативность во многом объясняется типологическими характеристиками адыгейского языка и прежде всего полисинтетизмом, предоставляющим носителям бóльшую свободу в построении словоформ и синтаксических конструкций.

Фото 2. Консультанты и участники экспедиции.

Первый ряд: Н. А. Короткова, К. А. Ершова. Второй ряд: Л. Пашен, Ю. А. Ландер, Г. А. Мороз, Е. Л. Кушнир, Л. Н. Николаева, Д. В. Герасимов, Г. Е. Ломизе. Третий ряд: Д. С. Первозчиков. Четвертый ряд: М. А. Пономарева, А. А. Сомин, Р. Д. Нефляшева, Д. Б. Даурова, И. Н. Даурова, М. Г. Едыгова. Пятый ряд: В. И. Киммельман, И. С. Капитонов, Н. А. Даурова, С. Ю. Бечмукова, С. К. Кубаишчева, А. К. Нефляшева, Р. П. Шаова, Н. Н. Едыгова, З. Ю. Шаова, С. К. Алишаева, С. Н. Нефляшева, Е. Д. Ильина. Автор – П. М. Аркадьев.

В 2010 г. проблема вариативности осложнилась сменой места работы исследователей. Хотя аулы, в которых мы работали, находятся лишь в нескольких километрах от места работы большей части предыдущих экспедиций — Хакуринохабля, в некоторых деталях речь наших консультантов значительно расходилась с данными, полученными ранее. Отчасти это, возможно, объясняется тем, что речь хакуринохабльцев, как упоминалось выше, включает абадзехские черты, в то время как аулы, в которых велась работа в 2010 г., показывают исконные черты темиргоевского диалекта [Тхаркахо 1993]. Однако в наших условиях проверка источников вариативности не представлялась возможной (несмотря на то, что социолингвистическая информация о происхождении консультантов явилась частью исследования).

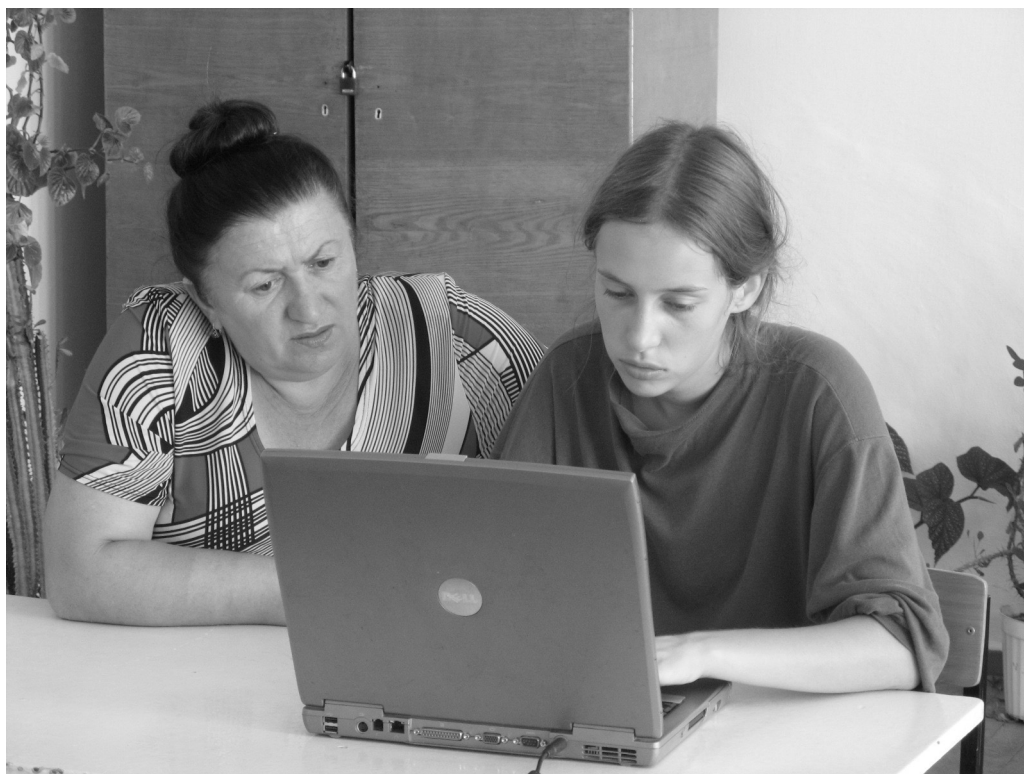

Фото 3. За работой: З. Ю. Шаова и М. А. Пономарева.

Вариативность во многом поднимает принципиальную проблему верифицируемости данных. При сильной вариативности отдельные полученные данные могут подвергаться сомнению просто из-за того, что какие-либо другие носители их не подтверждают. Заметим, впрочем, что эта проблема возникает не только при элицитации, но и при переводе текстов: одни и те же высказывания или даже словоформы могут интерпретироваться по-разному даже при наличии достаточного для правильного понимания контекста. Таким образом исследователю приходится отбросить презумпцию адекватности восприятия высказывания носителем: адресаты могут интерпретировать один и тот же языковой фрагмент по-разному и вовсе не обязательно так, как это задумывал автор. В результате принципиальным параметром для исследования в этих условиях должна стать степень допустимой вариативности.

5. Периферийные явления

Изучение границ возможностей языка предполагает проведение опроса носителей языка. Сформулировать грамматические правила невозможно без знания о том, как они нарушаются. Соответственно, принципиальной частью опроса консультантов является эксперимент, моделирующий сложный контекст, который (по мнению исследователя) теоретически может как допускать, так и не допускать исследуемое явление. Естественно, такие контексты не должны быть типичными для изучаемой конструкции (при условии, что о

ней уже имеются некоторые базовые сведения). Мы исходим из вовсе не очевидного (и, возможно, неверного) допущения, что эти контексты обычно не встречаются в повседневной речи и таким образом представляют собой языковую периферию.

Если языковой пример в подобном контексте не является жестко запрещенным или, наоборот, очевидно возможным, вариативность может быть связана со сложностью конструкций. Хороший пример такого периферийного явления рассматривается в статье К.А. Ершовой (наст. сб.): групповое маркирование сочиненных групп падежными (или квази-падежными) показателями, вполне типичное, например, для тюркских языков, находится явно на периферии адыгейской грамматики, что приводит к некоторому разбросу в оценке носителями тех или иных построений.

Более специфичный пример связан с образованием так называемого именной комплекса. В адыгейском языке существительное и некоторые его определения образуют единый комплекс, проявляющий свойства единого слова. Важным тестом на однословность комплекса является то, что в нем только один раз может происходить специфическое морфонологическое чередование /e/ > /a/ (об условиях этого чередования см. [Smeets 1984: 206–211; Аркадьев, Тестелец 2009: 122–131]); ср. (2)–(3):

(2) сасе-г рерса-в. (< сесе-г рерсе-ве)

вилка-ABS острый-PST

‘Вилка была острая’.

(3) сесе = рарсе-г

вилка=острый-ABS

‘острая вилка’

В (2) чередование наблюдается два раза, но при этом представлены и два слова. В (3) имеется единый именной комплекс и чередование представлено только один раз.

Тем не менее заключению «два чередования > два слова» (строго говоря, неуниверсальному, но в большей части случаев работающему) противоречит именной комплекс (4а), в котором искомое чередование наблюдается дважды (заметим, что вариант без первого чередования (4b) тоже допустим) — вероятно, благодаря суффиксу прошедшего времени, который, находясь в конце слова, обычно открывает новую зону чередования (ср. пример (2) выше):

(4) а. swəp = ve-ž^wa-ve = fabe-r (< swəp = ve-ž^we-ve = febe-r)

суп=CAUS-кипеть-PST=теплый-ABS

- b. swəp = ve-ž^we-ve = fabe-r
 суп=CAUS-кипеть-PST=горячий-ABS
 ‘теплый сваренный суп’

Очевидно, что такие именные комплексы тоже являются периферийными: именные группы с несколькими определениями вряд ли являются нормой в каком-либо языке.

Впрочем, не исключено, что неупотребимость или малая употребимость тех или иных построений может оказываться результатом не только их общей сложности, но и наличия конфликта грамматических правил, как в приведенном примере. Другими словами, в периферийности семантически допустимых построений может быть «повинна» сама грамматика.

6. Диахронически обусловленная вариативность

Естественно, периферийность, неупотребимость и возникающая в результате этого вариативность могут являться и следствием других причин, нежели грамматическая сложность. Например, целый ряд сложных форм с числительными, описываемых в статье Г.А. Мороза (наст.сб.), обнаруживали вариативность, связанную с изменением языка — с тем, что нормой в адыгейской речи сейчас, по-видимому, является уже использование русских числительных (исключение составляют числительные первого десятка).

С другой стороны, использование заимствований тоже может регулироваться нечеткими правилами. Так, как показали исследования, проведенные в экспедиции Д.С. Перевозчиковым, в говоре Пшичо могут наблюдаться большие колебания в отношении позиции прилагательных, заимствованных из русского языка. Так, например, несмотря на то, что качественные прилагательные в адыгейском языке в норме должны следовать за именем в составе именного комплекса, консультанты оценивали как вполне допустимый порядок «заимствованное прилагательное — существительное», вероятно, калькирующий русский порядок слов; ср. допустимые варианты:

- (5) a. nah jəntjeljəʋentne = çəfə-r
 более интеллигентный=человек-ABS
 b. nah çəf = jəntjeljəʋentne-r
 более человек=интеллигентный-ABS
 ‘более интеллигентный человек’ (материалы Д.С. Перевозчикова)

Само собой, вариативность, обусловленная языковыми изменениями, не обязана быть связана с заимствованиями. Аналогичные примеры вариативности, демонстрирующей разную степень грамматикализации показателей, можно найти в статье Е.Л. Кушнир (наст.сб.).

Фото 4. Руководство и сотрудники Хатажукаевской средней общеобразовательной школы и организаторы экспедиции

Слева направо: А. Нагоев, Ю. Ландер, Ч. Дзыбов, А. Кубашичев, Р. Шемажуков, П. Аркадьев. Автор – Г. Ломизе.

7. Редкие явления

Помимо явлений, занимающих периферийное положение в самой грамматике языка, безусловно, существуют и явления, которые, наоборот, для носителей языка совершенно естественны, однако исследователями обходятся вниманием — либо по причине того, что они используются в небольшом количестве контекстов, либо потому что они не укладываются в систему, из которой исследователь исходит.

Так, например, использование форм ассоциативной множественности от названий селений со значением ‘население селения’, описанное Е.Д. Ильиной (наст. сб), очевидно, не является достаточно регулярным и употребляется преимущественно для населенных пунктов, близких к говорящему. Оно, разумеется, не является языковой периферией, но требует учета особой прагматической информации.

Еще одно интересное явление такого рода — именные формы «финалиса», оформленные суффиксом *-he* и встречающиеся в контекстах типа ‘движение осуществляется для того, чтобы взять или получить X и вернуться с X-ом’, — были исследованы первым автором настоящей статьи. Пример употребления формы финалиса дан в (6):

- (6) $\hat{s}^wew\check{s}'\check{a}^w\check{a}-he$ $z-ve-k^w a-ve.$
 сахар-FIN 1SG.A-CAUS-пойти-PST
 ‘Я его послала за сахаром’. (Из рассказа «Сахар», Хатажукай 2006)

Насколько нам известно, в предшествующих описаниях адыгейской грамматики эти формы не упоминались. Не исключено, что это связано с их промежуточным статусом. С одной стороны, они функционируют как именные формы, хотя и в сильно ограниченном контексте. С другой стороны, суффикс *-he* отличается от суффиксов именного словоизменения и морфологическими свойствами (в отличие от «окончаний» числа и падежа, *-he* может влиять на чередование /e/ ~ /a/) и, кроме того, именная группа, к которой он присоединяется, всегда нереферентна и проявляет свойства наречия. В итоге, финалис обнаруживает и черты словообразовательного показателя.

8. Статьи участников экспедиции

В настоящем издании публикуются пять статей студентов РГГУ, участвовавших в экспедиции 2010 года.

К.А. Ершова дает общее описание системы именного сочинения в адыгейском языке, не вполне тривиальной особенно с точки зрения носителя русского языка, обладающего качественно другой системой сочинения. Кроме того, в этой работе рассматривается проблема группового маркирования сочинительных конструкций — явления, при котором маркер функции сочиненных именных групп появляется в конструкции лишь один раз.

Е.Д. Ильина рассматривает употребление форм множественного числа. В статье анализируется явление так называемой ассоциативной множественности, для обозначения которой используются как особые формы, так и стандартный показатель множественного числа. Кроме того, автор показывает, что использование форм множественного числа распространяется и на слова с нестандартной числовой семантикой.

Е.Л. Кушнир обсуждает несколько адыгейских вспомогательных глаголов, выражающих нестандартные аспектуальные значения (вроде ‘вот-вот сделать что-либо’) и обладающих разной степенью грамматикализации. В какой-то степени ее статья продолжает опубликованное ранее исследование В.И. Киммельмана [2007].

В статье Г.А. Мороза предлагается детальное описание весьма сложной морфологии числительных в изучаемом адыгейском говоре. Автор не только строго и формально описывает образование всех отмеченных в языке серий числительных, но и рассматривает особенности их реального употребления в речи (в том числе наряду с числительными, заимствованными из русского

языка), а также особенности адыгейской системы числительных с типологической точки зрения.

А.А. Сомин предлагает описание субститутивных конструкций, выражающих значение ‘вместо того, чтобы’. Такого рода конструкции в адыгейском языке, насколько нам известно, ранее не изучались, и, как выясняется, они демонстрируют ряд необычных морфосинтаксических характеристик.

Заключение

В этой статье, помимо предоставления общей информации об адыгейском языке и его изучении в рамках экспедиций РГГУ, мы обсудили также некоторые теоретические вопросы, касающиеся представленных нами данных. Указанные проблемы — в первую очередь, вариативность, а также особенность многих рассматриваемых нами морфосинтаксических контекстов — как может показаться, делают эти данные менее очевидными с точки зрения распространенного подхода к языку, согласно которому изучаться должны наиболее типичные или нормализованные образцы речи. Безусловно, проверка наших данных на материале текстов адыгейского языка необходима, поскольку она может их дополнительно подтвердить и уточнить (мы надеемся, что этому поспособствует и собранный нами корпус устных текстов). Тем не менее мы уверены, что и представленные данные позволяют сделать существенные выводы о природе и устройстве адыгейского языка.

Благодарности

Мы благодарим от имени всей экспедиции носителей адыгейского языка, которые щедро делились с нами знаниями своего языка, помогали нам записывать и разбирать тексты, отвечали на наши вопросы: Светлану Кимовну Алишаеву, Саламет Юнусовну Бечмукову, Диану Беслановну Даурову, Ирину Нальбиевну Даурову, Нафисет Аскарбиевну Даурову, Марину Галимовну Едыгову, Нуриет Нурбиевну Едыгову, Нагмет Кимовну Иванову, Сусанну Кимовну Кубашичеву, Асю Кадырбечевну Нефляшеву, Риту Довлетбиевну Нефляшеву, Савдет Нурбиевну Нефляшеву, Саиду Джанчариевну Нефляшеву, Меджида Бечмизовича Темзокова, Светлану Хамедовну Темзокову, Римму Масхудовну Хапачеву, Хамеда Ахмедовича Хасанова, Нагмет Дольчериевну Хачецукову, Зару Юрьевну Шаову, Риту Пшимафовну Шаову. Мы выражаем огромную признательность проявившей гостеприимство администрации МОУ «Хатажукаевская средняя общеобразовательная школа № 6 им. Ахмеда Хаткова» и лично ее директору Азамату Калубатовичу Кубашичеву.

Приложение. Украденная садака¹

Записано: 8 июля 2010 г., аул Пшичо

Продолжительность: 0:58

Рассказчик: М.Б. Темзоков

Расшифровка: Р.П. Шаова, Д.Б. Даурова

Разбор: Д.С. Перевозчиков

(1)

qebehable s-šə.pχ^w jə-pš' λa-β-ew š'əvəp
 Кабехабль 1SG.PR-сестра POSS-свекор умереть-PST-ADV одежда
 ʔ^wə-xə-ž'ə-n tə-k^wa-β
 LOC-нести-RE-POT 1PL.ABS-идти-PST

‘Мы пошли в Кабехабль раздавать² одежду умершего свекра моей сестры’.

(2)

tə-z-e-k^we-m, tə-ze-xe-t,
 1PL.ABS-REL.TMP-DYN-идти-OBL 1PL.ABS-REC.IO-LOC-стоять
 č'ə.mefe = šx^w, tə-ze-xe-tə-ze ha = β^we.ž'-jə-t^w
 зима=большой 1PL.ABS-REC.IO-LOC-стоять-CNV собака=желтый-LNK-два
 g^we.re qə-ʔ^wə-λa.d-jə,
 некий DIR-LOC-устремитесь-ADD

‘Когда мы пошли... мы были вместе, это была суровая зима... мы стояли все вместе, и к нам подбежали какие-то две желтые собаки...’

(3)

naħə-pe-m lə-xe-r a-g^weš'ə-š'tə-βe
 более-перед-OBL мясо-PL-ABS 3PL.A-делить-AUX-PST
 ‘Раньше мясо делили’.

(4)

a-r-t.jə lə-r β^wəčə.č'ə-m pə-šə-β-ew
 тот-PRED-CS мясо-ABS проволока-OBL LOC-делать-PST-ADV
 ha-m r-jə-hə-ž'-jə j-e-hə
 собака-OBL DAT-3SG.A-нести-INC-ADD 3SG.A-DYN-нести
 ‘Мясо висело на проволоке, и собака его забрала и несет’.

¹ Садака – добровольная жертва, приносимая мусульманином.² После смерти одежду и другие вещи умершего раздают его близким и друзьям.

(5)

tə-ze-xe-t, te-r-jə t-j-e-pлə
 1PL.ABS-REC.IO-LOC-стоять мы-PRED-ADD 1PL.ABS-DAT-DYN-смотреть
 ‘Мы все вместе стоим и смотрим на нее’.

(6)

a-r-t.jə, qe-ɜaz, qe-ɜaz, fəg^wə-r-jə
 тот-PRED-CS DIR-повернуть(IMP) DIR-повернуть(IMP) пшено-ABS-ADD
 jə-ɜ^wəs fəg^wə-r-jə de-p-hə-n fa.je,
 LOC-сопровождать пшено-ABS-ADD COM-2SG.A-нести-POT должный
 s-ɽ^w-jə je-s-ɽ^wa-ɜ
 1SG.A-говорить-ADD DAT-1SG.A-говорить-PST
 ‘Тогда я крикнул ей: «Вернись, вернись! Пшено тоже надо забрать вместе [с мясом]!»’

(7)

a zere-š’ə-tə-r lə-re fəg^wə-re
 тот REL.MNR-LOC-стоять-ABS мясо-COORD пшено-COORD
 ze-g^we-λ-ew a-š’eč’ə-tjə
 REC.IO-LOC-лежать-ADV 3PL.A-взвесить-CS
 ‘Это так бывает: мясо и пшено лежат вместе, и взвешивают их вместе’.

(8)

zə-m zə-š’ə-č’e-č’e jə-q^wə-r-ep
 один-OBL REL.IO-LOC-уходить-INS LOC-хватить-DYN-NEG
 a-š^we-šə-š’tə-ɜe
 3PL.IO-MAL-знать-AUX-PST
 ‘Им казалось, если одного не достает, то и не хватит [и другого]’.

(9)

ž’ə ha-m s-je-k^wəwe-šə
 теперь собака-OBL 1SG.ABS-DAT-кричать-CS
 ‘А я кричу собаке...’

(10)

mə-dre š’ə-t-xe-r qə-z-de-haš’xə-x
 этот-другой LOC-стоять-PL-ABS DIR-1SG.IO-COM-смеяться-PL
 ‘Эти, кто рядом, смеются надо мной’.

(11)

alaha-m sə-mə-wəç'-jə a fe.de
 Аллах-OBL 1SG.ABS-NEG-убить(IMP)-ADD тот подобный
 me-χ^w-a, a-ʔ^we-šə
 DYN-случаться-Q 3PL.A-говорить-CS
 'Говорят: «Аллах, помилуй, разве так бывает?»'

(12)

ʒ'a-rə a-r-jə qebar ʒe.ʃeβ^wenə-β
 тот-PRED тот-PRED-ADD рассказ удивлять-PST
 'Вот этот рассказ был интересный;'

(13)

çəf-me a-xe-wə-ʔ^wəpš'ə-ha-β-ew š'ə-t
 человек-OBL.PL 3PL.IO-LOC-2SG.A-отпустить-LAT-PST-ADV LOC-стоять
 'Есть такой (букв.: среди людей)'

Список сокращений

A – агент, ABS – абсолютив, ADD – аддитивный показатель, ADV – адвербиалис, AUX – вспомогательный суффикс, CAUS – каузатив, CNV – конверб, COM – комитативный преверб, COORD – сочинительный показатель, CS – причина, DAT – преверб косвенно-объектной деривации, DIR – директивный преверб, DYN – динамичность, FIN – финалис, IMP – императив, INC – инцептив, INS – инструменталис, IO – непрямой объект, LAT – лативный суффикс, LNK – соединительная морфема, LOC – локативный преверб, MAL – малефактив, MNR – способ, NEG – отрицание, OBL – косвенный падеж, PL – множественное число, POSS – посессивность, POT – потенциалис, PR – посессор, PRED – придикатив, PST – прошедшее время, Q – вопросительность, RE – рефактив, REC – реципрок, REL – релятивизация, SG – единственное число, TMP – темпоральная релятивизация.

Литература

- Аркадьев П. М., Тестелец Я. Г. О трех чередованиях в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: Изд. РГГУ, 2009. С. 121–145.
- Герасимов Д. В., Ландер Ю. А. Вариативность и адыгейский язык (особенности полевой работы в условиях полисинтетизма) // М. Е. Алексеев и др. (ред.) II Международный симпозиум по полевой лингвистике. Материалы. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 39–43.

- Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд. МГУ, 1992.
- Киммельман В. И.* Грамматикализация первичных стативных предикатов в адыгейском языке // Д. П. Бак (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. II. М.: Изд. РГГУ, 2007. С. 288–310.
- Коряков Ю. Б.* Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.
- Кумахова З. Ю.* Абадзехский диалект и его место среди других адыгейских диалектов. Нальчик: Эльбрус, 1972.
- Рогава Г. В., Керашиева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Майкоп, Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Сумбатова Н. Р.* Адыгейские экспедиции Института лингвистики РГГУ (2003–2007) // Д. П. Бак, В. В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Выпуск III. М.: Изд. РГГУ, 2008. С. 290–293.
- Тестелец Я. Г.* Экспедиция в Адыгею // Д. П. Бак (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. II. М.: Изд. РГГУ, 2007. С. 275–276.
- Тестелец Я. Г.* (ред.) Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: Изд. РГГУ, 2009.
- Тхаркахо Ю. А.* Чемгуйский диалект и его место среди других адыгейских диалектов. Майкоп: АРИГИ, 1993.
- Яковлев Н. Ф., Аихамаф Д. А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1941.
- Baker M. C.* The Polysynthesis Parameter. New York: Oxford University Press, 1996.
- Evans N., Sasse H.-J.* (eds) Problems of Polysynthesis. Berlin: Akademie Verlag, 2002.
- Kibrik A. E.* Collective field work: Advantages or disadvantages? // T. E. Payne, D. J. Weber (eds). Perspectives on Grammar Writing. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Smeets R.* Studies in West Circassian Phonology and Morphology. Leiden: The Hakuchi Press, 1984.